[Три поездки Ильи Муромца] (2)

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева,
Бы́ла тут поездка богатырская,
Выезжает оттуль да доброй мо́лодец,
Старыи казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добро́м кони,
И во том ли выезжает во кованом седле,
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чисто́м поли,
И увидел добрый молодец да латырь-камешок,
И от камешка лежит три росстани,
И на камешки было подписано:
— В первую дороженку ехати — убиту быть,
Во дру́гую дороженку ехать — женату быть.
Третьюю дороженку ехать — богату быть.

Стоит старенькой да издивляется:
Головой качат, сам выговариват:
— Сколько лет я во чистом поли гулял да езживал,
А ещё́ такова́го чуда не нахаживал.
Но на что поеду в ту дороженку да где богату быть?
Нету у меня да молодой жены,
И молодой жены да любимой семьи,
Некому держать-то́щить да золотой казны,
Некому держать да платья цве́тного.
Но на что мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как моло́динка ведь взять, да то чужа корысть,
А как ста́рая-та взять, дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь, добрый молодец,
А й во тую дороженку, где убиту быть?
А й пожил я ведь, добрый молодец, на сем свети,
И походил-погулял ведь, добрый молодец, во чисто́м поли.

Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть.
Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи.
Во чистом поли да курева́ стоит,
Курева́ стоит да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы на́ холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки-ты озёра меж ног спущал,
Он сини́ моря-ты на око́л скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатыи,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленскии,
Где стоят ведь сорок тысячей разбойников
И те ли ночныи тати-подорожники.
И увидели разбойники да добра молодца,
Старого каза́ку Илью Муромца.
Закричал разбойниче́ский атаман большой:
— А гой же вы, мои братци́-товарищи,
И розудаленькии вы, да добры молодци!
Принимайтесь-ко за добра молодца,
Отбирайте от него да платье цве́тное,
Отбирайте от него да что ли добра́ коня.
Видит тут старыи казак да Илья Муромец,
Видит он тут, что да беда пришла,
Да беда пришла да неминуема.
Испрого́ворит тут добрый молодец да таково́ сло́во:
— А гой же вы, сорок тысяч разбойников,
И тех ли тате́й ночных да подорожников!
Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего:
Нет у стараго да золотой казны,
Нет у стараго да платья цве́тнаго,
А и нет у старого да камня драгоценнаго.
Столько есть у стараго один ведь добрый конь,
Добрый конь у старого да богатырскии,
И на добром коне ведь есть у стараго седе́лышко,
Есть седе́лышко да богатырское,
То не для красы, братцы, и не для басы,
Ради крепости да богатырскии,

И что можно́ было́ сидеть да добру молодцу,
Биться-ратиться добру молодцу да во чисто́м поли.
Но еще есть у старого на кони́ уздечка тесмяная,
И во той ли во уздечики да во тесмяныи
Как зашито есть по камешку по яфанту.
То не для красы, братци, не для басы,
Ради крепости богатырскии.
И где ходит ведь, гулят мой добрый конь,
И среди ведь ходит ночи темныи,
И видно́ его да за пятнадцать верст да равномерныих.
Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов.
То не для красы, братцы, не для басы,
Ради крепости да богатырскии.
Скричал-сзычал да громким голосом
Разбойниче́ский да атаман большой:
— Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать,
Принимайтесь-ко вы, ребятушка, за дело ратное.
А й тут ведь старому да за беду стало,
И за великую досаду показалоси.
Снимал тут старый со буйной главы да шеломча́т колпак.
И он начал старенький тут шеломо́м помахивать.
Как в сторону махнет — так тут и улица,
Ай в дру́гу о́тмахнет — дак переулочек.
А видят тут разбойники, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
Скричали тут разбойники да зычным голосом:
— Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть на се́мена.
Он прибил-прирубил всю силу неверную
И не оставил разбойников на се́мена.
Обращается ко камешку ко латырю
И на камешки подпи́сь подписывал:
— И что ли очищена тая дорожка прямоезжая.
И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть,
Выезжает старенькой да во чисто́ поле,
Увидал тут старенькой полаты белокаменны,
Приезжает тут старенькой к полатам белокаменным,
Увидала тут да красна девица,
Сильная поляница удалая,

И выходила встречать да добра молодца:
— И пожалуй-ко-сь ко мне, да добрый молодец!
И она бьет челом ему, да низко кланяйтся,
И берет она добра молодца да за белы́ руки,
За белы́ руки да за златы́ перстни.
И ведет ведь добра молодца да во полаты белокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый стол,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у добра молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец,
Ты какой земли есть, да какой орды,
И ты чьего же отца есть, да чьеё матери.
Еще как же те́бя именем зовут,
А звеличают те́бя по отчеству?
А й тут ответ-то держал да добрый молодец:
— И ты почто спрашивашь об том, да красна девица?
А я теперь устал да добрый молодец,
А я теперь устал да отдохнуть хочу.
Как берет тут красна девица да добра молодца,
И как берет его да за белы́ руки,
За белы́ руки да за златы́ перстни,
Как ведет тут добра молодца
Во тую ли во спальню богатоу́брану
И ложи́т тут добра молодца на ту кроваточку обмансливу.
Испрого́ворит тут молоде́ц да таково слово:
— Ай же ты, душечка, да красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую.
И как схватил тут добрый молодец да красну девицу,
И хватил он ей да подпазушки,
И броси́л на тую на кроваточку,
Как кроваточка-то подвернуласи,
И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.
Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:
— А гой же вы, братци мои да вси товарищи,
И разудалые да добры молодцы!
Но имай, хватай, вот и сама идет!
Отворяет погреба глубокия,
Выпущает двенадцать да добрых молодцев,
И всё сильниих могучих бога́тырей,

Едину́ оставил саму да во погребе глубокоём.
Бьют-то челом да низко кланяются
И удалому да добру молодцу,
И старому каза́ку Ильи Муромцу.
И приезжает старенькой ко ка́мешку ко латырю,
И на камешки-то он подпи́сь подписывал:
— И как очищена эта дороженка да прямоезжая.
Но направляет добрый молодец да своего коня
И во тую ли дороженьку, да где богату быть.
Во чистом поли наехали на три по́греба глубокиих,
И который насыпаны погре́ба златым-се́ребром,
Златым-се́ребром, каменьем драгоценныим.
И обирал тут добрый молодец всё злато это се́ребро
И роздавал это злато-се́ребро по нищей по братии,
И роздал он злато-се́ребро по сиротам да бесприютным.
Но обращался добрый молодец ко камешку ко латырю
И на камешки он подпись подписывал:
— И как очищена эта дорожка прямоезжая.

(Записано на Выгозере 16 июля 1871 года от Федора Никитина, около 45 лет.)

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4, т. II, 1950. М. — Л.